

В. Г. Шавлюк

Труд и Дом

Воспоминания
и размышления

Василий Шавлюк

**Труд и Дом. Воспоминания
и размышления**

«Издательские решения»

Шавлюк В. Г.

Труд и Дом. Воспоминания и размышления / В. Г. Шавлюк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908849-9

О жизненном пути человека, пережившего на своём веку смену 5 государственных строев, о его развитии, становлении и работе. Путь абсолютно самостоятельный, начиная с первых шагов в далёкой белорусской деревне, без нужных знакомств, связей и денег до учёной степени и должности уровня замминистра в Москве. Человека, чей непрерывный трудовой стаж составляет 64 года, а стаж совместной супружеской жизни на данный момент 60 лет.

ISBN 978-5-44-908849-9

© Шавлюк В. Г.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. Характер местности, географическое расположение моего родного края	8
1.1. Территория, её расположение и особенности	8
1.2. Детство. Мои родители	9
1.3. Моя семья и условия её проживания	11
1.4. О ближайших родственниках	13
1.5. О ближайших соседях	15
1.6. О деревенских специалистах и умельцах-самородках	20
1.7. Предвоенный период	22
1.8. Моё трудовое участие в жизни семьи	27
1.9. Жизнь при немецкой оккупации (июль 1941-июль 1944 гг.)	30
Глава 2. Моя жизнь и образование на разных уровнях	33
2.1. Начальное и неполно-среднее образование	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Труд и Дом

Воспоминания и размышления

Василий Георгиевич Шавлюк

Благодарности:

Алла Васильевна Минаева

Алексей Васильевич Шавлюк

Тамара Ивановна Шавлюк

© Василий Георгиевич Шавлюк, 2019

ISBN 978-5-4490-8849-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Убеждён, что каждый человек, подходя к финишу своей долголетней жизни, задумывается о том, что же он оставит о себе в памяти своим близким, бывшим коллегам по работе, родственникам и, конечно же, о людях, его окружающих. Особое место, наверное, будут занимать и те важнейшие события в мире, стране и в своём родном крае, так или иначе связанные с каждым из нас. Не знаю, как у кого, а у меня такое желание возникло, пройдя 86 —летний жизненный путь, насыщенный разными событиями предвоенного и военного характера, и особенно окружающими людьми и их судьбами. Этому послужил и толчок со стороны моих детей – Алёши и Аллы, внуков Никиты, Алеси, Алины, которые хотя и имеют об этом некоторое представление, но лишь устно полученное отрывочными эпизодами. Алёша, например, создал на компьютере прилагаемую генеалогическую схему нашей семьи и близких родственников, и удивился, насколько она разнообразная и обширная. Дочери Алле, наряду с этим, захотелось ближе узнать о моём детстве, юности, учёбе, жизни в условиях пятикратного изменения государственного строя в Западной Белоруссии, об особенностях жизни и быта населения в те годы и др. Ну, например, откуда я, простой деревенский подросток, смог овладеть, пусть и не в полной мере, пятью иностранными языками, причём так, что по некоторым из них впоследствии смог сдавать вступительные экзамены в аспирантуру Института экономики Академии наук Белоруссии и далее – кандидатский минимум.

Я не смог проигнорировать такую актуальную для детей просьбу и в меру сохранившихся в памяти событий тех лет, особенностей жизни и быта своей и окружающих меня близких людей показать это доступными средствами, не прибегая ни к каким другим источникам и литературным выражениям (кроме трёх кратких эпитафий).

Намеченный широкий круг вопросов по данной теме считаю целесообразным рассмотреть в следующей последовательности:

характеристика местности, географическое расположение родного края, включая территорию и её особенности, детство и мои родители, моя семья и условия её проживания, о ближайших родственниках, о ближайших соседях, деревенских специалистах и умельцах-самоходках, предвоенный период, моё трудовое участие в жизни семьи, жизнь при немецкой оккупации и партизанском движении (июль 1941-июль 1944 гг.), и далее, уже современный период – моё образование на различных уровнях, моё семейное положение и быт, мой профессиональный рост и закрепление на долгие годы по своей специальности в системе Всесоюзного банка финансирования капитальных вложений – Стройбанка СССР, а в пенсионный период – в других банках и на 35-летней (включая совместительство) учебно-педагогической работе в ВУЗах, в том числе 23 года находясь на пенсии. После 63-х лет непрерывного трудового стажа по основной работе – выход на заслуженный отдых.

Если сказать очень коротко, то мои основные жизненные события и данные характеризуются так: родился 19.01.1931 г. в Белорусской крестьянской семье, образование высшее, техник-строитель (с 1950 г.), телеграфист (1948 г.), инженер-строитель (с 1958 г.); учёная степень — кандидат экономических наук (с 1971 г.), учёное звание — доцент (с 1993 г.); Ветеран труда (с 1989 г.), инвалид 2-й группы (с 1994 г.), пенсионер (с 1991 г.), непрерывный трудовой стаж 63 года (с 1950 г.); правительственные награды – медаль Российской Федерации «Ветеран труда» (1989 г.), медаль Социалистической республики Вьетнам «Дружба» (1984 г.). Ведомственные награды: нагрудный знак «Отличник Стройбанка СССР», именные позолоченные часы с гравировкой «т. Шавлюку В. Г. от Стройбанка СССР. За достигнутые успехи в работе», почетные грамоты, благодарности, путёвки, премии и др. За всё время своей длительной производственной и учебно-педагогической деятельности никаких выговоров или других порица-

ний не имел. Состою в браке со своей женой с 1958 года (60 лет). Имею двоих взрослых детей и троих внуков. Проживаю в Москве с 1975 г. в собственной квартире.

Глава 1. Характер местности, географическое расположение моего родного края

*«Мой родны кут!
Як ты мне мілы,
Забьць цябе не маю сілы.
Не раз утомлены дарогай
Жьціцём вясны маей убогай
К табе я ў думках залятаю
і там душою спачываю»
Якуб Колас «Новая зямля»*

1.1. Территория, её расположение и особенности

Территорию, о которой пойдёт речь в нашем рассказе, удачной не назовёшь —находится на северо-западной окраине Белоруссии. Моя деревня Старинки, в которой я родился и провёл свое детство, состояла из двух улиц и не более 30 домов, находилась примерно в 30 км от Вильнюса, в 16 км от г. Воложин, в 2 км от железнодорожной станции Воложин ж. д. линии Гродно-Минск-Москва. Сегодня эта территория – окраина Гродненской области. В неё входят даже два города – Ошмяны и Сморгонь (упоминаются в истории, как места, где находились жалкие остатки наполеоновской армии, уцелевшие после разгрома на р. Березина)

Моя деревня считается одной из старейших. Состоит из двух частей – восточной и западной, разделённой безымянной речкой и недавно построенной шоссейной дорогой с юга на север, от станции Воложин вплоть до другой ж.д. линии Минск – Молодечно- Вильнюс. Эта насыпная шоссейная дорога перегородила территорию и не имеет труб для переброса стекаемой с полей воды на луга и она бесцельно оседает в придорожных кюветах, от чего омертвели и засорились дикой травой бывшие луга, обмелела речка. Дорога, таким образом запроектирована и построена неграмотно, с нарушением экологических требований.

Наша деревня окружена соседними населёнными пунктами: с севера – д. Лоск, Кашеличи, Высокое, Ленковщина и др., с востока – д. Ганьковичи, Березинское, Городилово, Полочаны, Литва, с юга – ст. Воложин, д. Городьки, Забрэзье, р. Западная Двина (приток Немана), с запада – деревни Малое и Большое Запрудье, Слобода, далее – Крево и г. Вильнюс.

Все эти деревни находятся сегодня в запущенном состоянии, многие дома опустели, население резко уменьшилось за счёт ухода многих в города Молодечно, Минск и на производство.

К сожалению, я слабо знаю наш край. Могу лишь назвать только некоторые сведения. Так, недалеко от нашего райцентра Воложин есть ещё один райцентр – г. Ивенец. Вот там – родина Ф. Э. Держинского. На новогрудчине родился знаменитый польский поэт Адам Мицкевич и белорусский поэт Франтишек Богушевич, «маршалэк Польски» Юзэф Пилсудски. Недалеко от г. Столбцы родился знаменитый белорусский поэт Якуб Колас, возле г. Молодечно, в дер. Вязынка -такой же белорусский поэт Янка Купала. Где-то я прочитал, что в нашем райцентре Воложин учились в гимназии б. премьер-министр Израиля Голда Меир и б. министр обороны Израиля Моше Даян.

1.2. Детство. Мои родители

Детство моё пришлось на период 30-х годов прошлого века. Родился я 19 января 1931 года (на праздник Крещения) в своей родной деревне Старинки, сегодня это Воложинский район Минской области в Белоруссии.

Тогда эта территория по Брестскому миру (1918 год) перешла от России к Польше и была под её владением до 17 сентября 1939 года, то есть почти 20 лет.

Здесь требуется некоторое историческое пояснение.

3 марта 1918 года был подписан в Брест-Литовске мирный договор с Германией, который фактически явился капитуляцией Советской России: страна теряла территорию в 780 тыс. кв. км с населением в 56 млн человек и обязывалась выплатить репарации в 6 млрд марок, а также компенсировать материальные потери Германии от русской революции в размере полумиллиарда золотых рублей. (Из лозунга российских социалистов, меньшевиков и эсеров образца 1917 года).

Заключение указанного договора с Германией (в истории он фигурирует как Брестский мир) было вынужденной, исключительной мерой, поскольку Россия была очень ослабленным, истощённым войной государством. В числе отошедших к Германии указанных территорий и населения попали и три Белорусские области (Брестская, Гродненская и частично Минская). Эти области в 1919 -20 годах, по соглашению Германии с Польшей и были переданы под её Польское владение. И только когда Россия окрепла и при опасном развитии гитлеровской Германии, 17 сентября 1939 года Красная Армия освободила эти области от Польского 20-летнего владычества, тогда Западная Белоруссия стала единой Белорусской советской республикой. Деревня, где я родился и рос, относилась к Гродненской области, была на границе с Россией, но впоследствии, после 1939 года была переведена в Минскую область.

По административному делению тогдашней Западной Белоруссии наша деревня относилась к Забреской гмине (сельской административной единице), Воложинскому повяту (району), Новогрудскому воеводству (области).

Как-то один раз летом моя мама и ещё две женщины захотели побывать в Вильнюсе (более 30 км), пешком преодолели это расстояние туда и обратно за один день, побывав в этом городе и помолившись Богу в знаменитом его храме – Остра брама.

Мой отец Шавлюк Георгий Васильевич (1885—1934) – нашу семью в деревне называли «Базылишины» – от слова «Василь» – мой дедушка по отцу – по польски «Базыль». Мама моя Шавлюк (до замужества – Слиж) Екатерина Викентьевна (1889—1982), так же, как и отец – выходцы из очень бедных семей, из другой, соседней деревни Малое Запрудье. Впоследствии семью стали называть «Кацярынины» – по имени моей матери (по- белоруски Кацярына).

Критерием оценки бедности семьи и отдельного человека в то время являлось только обладание пригодным земельным участком (наделом), как единственным источником благосостояния. Из этих соображений и образовывались семьи, а кто земли не имел, то вынужден или батрачить, или искать счастья в других местах (Латвия, Аргентина, Уругвай и др.). Были такие и в наших соседних деревнях.

Лучшая земля, луга, лесные уголья – всё принадлежало в царское время помещикам, при поляках – польским панам Волчацкому и Потоцкому. Населению деревни, и не только нашей, оставалась лишь малопригодная часть, от которой жители имели (вследствие своей большой скученности) крайне малые земельные наделы. Считалась зажиточной семья, имеющая лишь 5 -7 га земли, причём малопригодной, песчаной и каменистой. Но и таких в нашей деревне не было. Наша деревня по тем временам имела около 50 домов и все они были заполнены полностью жильцами. Сейчас уже все дома старые, безлюдные и заброшенные. Если кто и живёт в них, то это считанные единицы, как мой племянник, инвалид 2-гр. Карпович Василий. Почва

почти везде песчано-каменистая, редко где имеются участки чуть пригодные для земледелия. И, тем не менее, скученность населения была очень большая. Сейчас можно только удивляться, как при таких условиях люди выживали. Ни рек, ни охотничьих угодий, ни обширных пастбищ, озёр, лесов тоже не было. Всё лучшее было во владении польских помещиков, осадников и кулаков. Остальное население от них полностью зависело.

1.3. Моя семья и условия её проживания

Отец женился на моей матери сразу после окончания русско-германской войны, демобилизации из русской армии и заключения Брестского мира в 1920 году. В скором времени семья стала состоять из моей сестры Ольги (октябрь 1921 -21.03.2008), ещё сестры Маши (умерла в 1922 г.), брата Ивана (11.03.1923 – 23.01.2010) и меня (1931 г.р.). Фрагмент генеалогического древа моей семьи приведён в конце книги. Потом отец серьёзно заболел (ходили слухи, что в результате применения немцами на фронте БОВ (боевых отравляющих веществ) и в 1934 году осенью умер. Прожил только 49 лет.

В следующем году мама упала с приставной чердачной лестницы и сломала себе правую руку в локте, провела долго в гипсе, потеряла нормальную трудоспособность. Это для семьи была полная трагедия. Вскоре вор из соседней деревни (все его хорошо знали – это некто Юхновский, он нигде не работал, даже дома ничего не делал, всё было в запустении, воровал). Он через соломенную крышу залез ночью на наш чердак, забрал последнее, что у нас было из продуктов и вещей. И это у больной вдовы с тремя малолетними детьми! Характерно, что мама, зная о плачевном состоянии жены этого вора Полюты (Полины), тоже с двумя малолетними детьми, оказывала ей даже некоторую помощь, давала возможность ежедневно проходить через наше поле и огород, пользоваться нашим построенным ещё отцом колодцем, таскать на коромысле по 2 ведра воды на приличное расстояние как летом, так и зимой. Я упомянул этот эпизод, чтобы подчеркнуть, что при любых условиях крестьяне стойко сносили житейские трудности и поддерживали один другого, за редким исключением.

Мой отец, после возвращения с фронта, много потерявший там здоровья, при разделе с братом Филиппом отцовской земли получил только 1 га земли и около 0,5 га сенокоса, что являлось самым низким наделом, не давало возможности даже содержать лошадь. А это уже по тому времени в деревне считалось крайней бедностью. Моя семья, таким образом, была обречена на беспросветную нужду, батрацкий труд и бедность. И только упорным трудом нашей семье можно было содержать корову, растить кабанчика, иметь несколько куриц, петуха, собаку Урвиса и кошку.

Такую же бедность испытывали жители не только нашей деревни, но и многие другие. Жизнь сложилась так, что молодые люди, например, женились и выходили замуж только имея отцовское приданое или соответствующее обеспечение земельным наделом. Моя сестра Оля, например, будучи девушкой красивой, доброй, заботливой, самой лучшей среди своих сверстниц труженицей, необыкновенной мастерицей, не могла рассчитывать на хорошее замужество, поскольку такого приданого не имела. Так же и ребята-женихи предпочитали девушек только с хорошим приданым. Трудолюбие, мастерство, красота, грамотность, прекрасный характер и другие достоинства, даже любовь, не учитывались, считалось, что это всё приходящее, главное – это материальное (земля, дом) обеспечение будущей семьи.

Таковыми же выходцами из бедных семей были и мои родители.

Отец прожил с мамой Екатериной Викентьевной- (умерла в 1982 году) только около 14 лет, умер в 1934 году. Мама, таким образом, прожила без мужа 48 лет, посвятив их непосильному труду и заботе прежде всего о нас, детях. После смерти отца мама, имея троих детей – мою сестру Олю (13 лет), сестричку Машеньку (не прожившую даже одного года), брата Ивана (11 лет), меня (3 года) применяла, можно сказать, героические усилия для сохранения нас, детей, при себе, не отдавала нас в батраки, на услужение чужим людям, как это ей советовали некоторые родители, да и сами так делали. Даже получив серьёзную травму – перелом руки в локте, будучи ещё и обворованной, – мама каким-то чудом пережила эту беду, выстояла.

Конечно же, мы, дети, все имели трудовые обязанности, никто не оставался без дела. Сестра Оля наравне с мамой уже ходила на заработки (жатву, прополку, уборку и др. Была

первая мастерица в прядении, ткачестве и рукоделии). Брат Иван занимался косьбой, молотьюбой, наравне со взрослыми мужчинами работал на лесозаготовках, дома выполнял всю отцовскую работу, заготавливал дрова, торф, шил себе и мне нижнее самотканое бельё, верхнюю одежду, изготавливал и ремонтировал лапти, стриг меня обычными ножницами, водил в баню и т. д. В зимнее, более свободное время, столярничал, освоил даже профессию бондаря – изготавливал деревянные бочонки, кадки, вёдра, тазы и др. Даже сделал мне по всем правилам хорошие лыжи. Своё мастерство и основные инструменты он получил от отца, который мог выполнять любую крестьянскую работу.

Глядя на работу брата, я тоже с малых лет постигал многое и это потом в жизни очень пригодилось, особенно когда приходилось строить дачи (я за свою жизнь их построил три – одну около Минска - в Баровлянах и две уже в Подмоскovie: в Сергиев-Посаде и в Родниках). Ещё будучи в начальной школе, я освоил и успешно выполнял такие, казалось-бы, малозначащие работы во время выпаса коровы, как изготовление лозовых кошёлков, корзинок, берёзовых веников, сосновых метёлок для горизонтального сметывания, плетение пеньковых лаптей и верёвок, изготовление из резиновых отходов так называемых чуней (типа галош) маме и сестре для постоянной носки при домашней работе. Какие у меня были инструменты? Основной инструмент – это небольшой перочинный нож, который я случайно где-то нашёл, ржавый, с узким (от износа) лезвием, но надолго сохранившим остроту. Трудно поверить, но я из обычного липового куска дерева смастерил себе по всем правилам школьный пенал (образец я изучил у сына нашей школьной учительницы Юрасика). Всё изделие получилось точно как фабричный образец, со всеми отделениями, перегородкой, круглым местом для ластика, задвижной крышкой и т. д. Изготовленным пеналом я очень гордился и им дорожил. Ведь купить такие вещи в те времена было невозможно. Другими инструментами (топор, пила, рубанок, напильник и т.д.) пользоваться мне не разрешалось, брат считал, что я могу их испортить, затупить и др., да я и не настаивал, зная, что брат очень бережно относится к инструменту и его бережёт. Мне хватало одного моего ножа, хотя и носил частые порезы на руках. Молотком служила половина подковы, наковальней и точилом – плоский булыжник или подкладка под рельс. Игрушки делал сам, всякие, ветрячки, трещотки, пропеллерные летающие игрушки, акробаты, качалки, рогатки, игрушечные деревянные винтовки, пистолеты, сабли, мечи, пики и т. д. Интересную игрушку из подручного материала (бумаги из цементного мешка) нас научил делать дядя Прокоп – это воздушный змей, его при хорошем ветре можно было поднимать даже на большую высоту.

1.4. О ближайших родственниках

У моего отца, кроме брата Филиппа, были ещё две сестры — Серафима и Марфа. Во время русско-германской войны они где-то служили в русской армии и когда Россия по Брестскому миру оставила в 1920 году Западную Белоруссию (тогда это были Брестская, Гродненская и часть Минской области) под владение Польши, наши тётки Серафима и Марфа оказались в России, то есть за границей. Связь была потеряна вплоть до 40-х годов. А с тётей Серафимой связь так и не была установлена. А вот о тёте Марфе сказать что-то можно. После войны Марфа Васильевна оказалась в большом селе Кресты Велижского района Псковской области, вышла замуж за местного жителя еврея Лесохина Лейбу. Он был жестянщиком, чинил нехитрую крестьянскую посуду и технику, имел половину дома на высоком берегу реки Западная Двина в её верхнем течении, родил сына Володю и вскоре умер, там же и похоронен. Тётя осталась одна и уже была на пенсии. Потом она очень затосковала по своей родине, продала свою усадьбу, переехала в нашу деревню Старинки, купила даже небольшой домик. Но жизнь не сложилась и она переехала в г. Ригу к сыну Володе, где он работал и жил. Вскоре тётя Марфа умерла, а у сына жизнь тоже не сложилась и он уехал в Израиль, связь с ним не сохранилась.

У моей мамы тоже было две сестры – Елена и Анна, имели свои семьи, прожили всю жизнь по месту жительства. Но один из сыновей тёти Елены Василий Иванович был очень мастеровой и одарённый. Достаточно сказать, что он своими руками сделал прекрасную гармонь-трёхрядку, которую даже не отличишь от фабричного изготовления, и, чтобы её сберечь во время Отечественной войны, дал эту гармонь на сохранность моей маме и она её сохранила при всех имеющихся трудностях. Потом Василий Иванович оказался в Куйбышевской области и, по имеющимся данным, прожил жизнь при большом людском уважении, поскольку многим помогал и был хорошим мастером по всем вопросам. Все жители тянулись к нему каждый со своей нуждой и он всем помогал. Второй сын тёти Елены Михаил был умственно не совсем здоров и во время войны умер.

У тёти Анны был сын Федя 1934 года рождения. В детстве мы с ним часто общались, дружили. Взрослым он долгое время работал на железной дороге, станция Радошковичи, там же с женой Анной Михайловной и проживали, имели двух сыновей. Умер Фёдор Степанович летом 2016 года.

Надо отметить и двух маминых братьев – Павла и Михаила. Дядя Павел весь свой век занимался нелегким крестьянским трудом, а вот дядя Миша был всё время в поисках лучшей доли. Ходили слухи, что он был связан с польским освободительным движением до 1939 года, затем, уже во время немецкой оккупации – с партизанами. Эти слухи впоследствии полностью подтвердились. Я в это время (1943—1944 гг.), будучи ещё подростком и находясь на пастбище у железной дороги Гродно-Минск и в других местах, фиксировал, запоминал и передавал дяде Мише или его жене Марии для белорусских партизан сведения о движении по железной дороге на восток воинских эшелонов с армейскими частями и военной техникой, хотя они и были замаскированы брезентом, но не тщательно и можно было отличить, например, танки от пушек. Надо было также и фиксировать эшелоны, идущие в обратном направлении на запад, в сторону Лиды и Гродно, санитарных поездов и отдельных вагонов, везущих в основном раненых или что-то в ящиках, больших и малых. Передача сведений велась только устно и тоже как-то маскировалась, например, сколько коров выходило сегодня на пастбище, сколько родилось цыплят и т. д. Но и это всё держалось в строгой тайне, учитывая большую опасность не только для себя, но и для всей семьи. Даже страшно сказать, что и чем грозило за связь с партизанами! Уже после войны и после смерти дяди Михаила его жена тётя Маша предлагала мне помощь – получить какой-либо документ, подтверждающий моё участие в этой работе, она хорошо знала т. Прицыцкого (ставшего потом, после руководства крупным партизанским соединением -сек-

ретарём ЦК) и некоторых других бывших партизанских руководителей, занявших высокие посты в республике, но я отказался. Может и зря. Ведь в то время по законодательству Белоруссии получить из сельсовета соответствующую справку было не сложно – достаточно было написать заявление и нужные пояснения, подтверждённые двумя или более местными жителями. А таких свидетелей у меня было достаточно и каждый из них охотно бы это подтвердил и подписал. Но я по молодости, в отличие от некоторых, заниматься этим не стал, не считая это чем-то особенным. Хотя за любую связь с партизанами грозил расстрел на месте.

На нашей станции Воложин расположилась немецкая комендатура. Мы, дети, занимаясь целыми днями на местном пастбище, вскоре узнали, где и в каком комендатура составе, откуда и на чём приезжают, где проживают и т. д. Об этом было сообщено дяде Мише, но он видимо и сам об этом уже знал. Вскоре всю эту комендатуру партизаны разгромили и больше её уже здесь не было. Партизанам на некоторое время несколько упростилось проведение «рельсовой войны» на ж.д. участке ст. Воложин – ст. Молодечно.

Закончил свою жизнь дядя Миша трагически. Сразу после освобождения от немецкой оккупации, в 1944 году, едучи из г. Молодечно в товарном вагоне, сидя на полу при открытых дверях, на самом подходе к остановке кто то из ехавших с ним пассажиров нечаянно наступил на полу шинели, дядя Миша выпрыгнул, но шинель задержала и он попал ногами под колёса вагона. Одно только колесо через его и проехало, но его это не спасло, он потерял две ноги и вскоре умер.

1.5. О ближайших соседях

Два человека из соседей заслуживают особого внимания. Первый из них – это Прокоп Николаевич Шавлюк, ходили слухи, что это отчество якобы не его. Но нас не это должно интересовать, а его жизнь. А эта его жизнь во многом поучительна и даже интересна. Жил он с женой Ульяной и двумя детьми (Василиной и Михаилом) в маленьком и тесном однокомнатном домике с глинобитным полом, русская печь, две самодельные деревянные кровати, такой же стол, пара табуреток – вот и вся обстановка. Дядя Прокоп имел земельный надел не более 1 га, участок гористый и весьма каменистый. Вот дядя Прокоп и решил избавиться хотя бы от крупных валунов, которые очень сильно мешали работать, занимали лишнюю площадь, часть их залегала лишь чуть прикрытая землёй. Не имея никакой техники, даже лошади, избавиться от этих огромных валунов было невозможно. Но дядя Прокоп единственно что придумал – это их взрывать. Зубилом пробивал в каменных глыбах дырки на глубину хотя-бы 15 – 20 см, заполнял их горючим материалом, в основном серой от спичек, канат, смоченный в бензине, служил бикфордом, всё это утрамбовывалось и поджигалось. Для нас, детей, это была интересная забава находиться в укрытии (обычной яме) и ждать взрыва. Эффект от этой операции был очень низкий, осколки от этих валунов были небольшими вследствие неглубоких дырок, но и это было хоть что-то. Валуны как лежали, так и остались лежать, только чуть подбитые. Дальше эта операция продолжаться не могла, учитывая её трудоёмкость, да и в военное время этого нельзя было делать.

Следующая затея у дяди Прокопа, она вполне оправдалась, это построить новый дом, но не так, как все в деревнях строили, а необычным для того времени путём – из самодельных бетонных блоков, где приобретаемый материал — только цемент, который можно было хоть с большим трудом, но купить. Остальной материал – песок, вода, гравий были на месте и бесплатно. Времени для работы хватало, За одно лето он вырыл (в глинистой почве) по периметру будущего здания траншею шириной 50 см и глубиной 100 см, низ траншеи загрузил камнем (его хватало), утрамбовал, приготовил форму для изготовления блоков 20x20x40 см с двумя вертикальными пустотами диаметром 10 см и высотой 15 см. И на следующее лето началось изготовление блоков путём заливки в форму подготовленного раствора, его трамбовки в форме, снятия из формы, сушки и затвердевания. И всё это вручную! Труд был неимоверный, но он оказался успешным. Всего было изготовлено таким путём более 1 тысячи блоков. Из них был построен не только дом, но и большое помещение для содержания домашних животных. Эти объекты существуют и по сей день, то есть более 70 лет. В этом доме сейчас проживает только жена Михаила, моего лучшего, уже покойного друга.

Извечной проблемой для жителей нашей и других деревень было молотить зерно. Возить зерно на помол надо было далеко, да и не дёшево. Наш Прокоп Николаевич и здесь попытался решить эту проблему. Он изготовил ветряк, который установил на возвышении над наружным погребом. Откуда он брал нужные детали, я не знаю, но каменные жернова у него были. Ветряк некоторое время у него работал, но потом, уже во время войны он был разобран и больше не восстанавливался.

Второй наш близкий сосед — это Минтюк Иосиф Антонович. Брат моего отца Филипп умер вскоре после смерти отца. Оставшейся его сын Михаил всю трудоспособную жизнь проработал в Молодечненском стройтресте штукатуром, имел дочь и сына, умер уже будучи пенсионером. Его мать, жена дяди Филиппа Елена, через некоторое время вышла замуж за Минтюка Иосифа Антоновича, о котором хочется сказать особо. Этот человек удивительной судьбы – проходил армейскую службу ещё в польской армии. В начале второй мировой войны в 1939 году попал из польской армии к немцам, был мобилизован в немецкую армию и сразу попал на фронт, но в боях не участвовал и с большим трудом и опасностью сбежал из немец-

кой армии, вернулся домой. Весной 1941 года по пути в Воложин при купании в реке Западная Березина он с другом были задержаны нашим патрулем и, не имея никаких документов, были мобилизованы в Красную Армию, где Иосиф Антонович участвовал в боевых действиях вплоть до победы над Германией. Но и это ещё не всё. Вернувшись домой, сразу же опять был мобилизован в Советскую армию для борьбы с японцами, прослужил до победы над Японией и только тогда был демобилизован домой. Вскоре тяжело заболел и умер.

Из других мужчин нашей деревни, мобилизованных в Отечественную войну, трое погибли. Один мой дальний родственник по матери, служил в 20-х годах в польской армии, получил легкое ранение – потерял на руке палец и по этому случаю являлся инвалидом, получал ежемесячно пособие в сумме, кажется 50 злотых. Это были тогда большие деньги (лучшая корова стоила 100 злотых). Это я к тому, чтобы показать, как тогда ценили инвалидов. В немецкой армии никто из моих родственников и жителей деревни не служил, призывники всячески уклонялись и прятались. До 1939 года и потом при немецкой оккупации всё взрослое население деревни занималось исключительно своим натуральным хозяйством — земледелием, ремеслом, домашними животными. Были великолепные столяры, портные, бондари, кузнецы, плотники, сапожники, шорники и другие специалисты. Каждый взрослый мужчина считал своим долгом самим изготовить телегу, плуг, борону, конную упряжь, иметь хорошую косу и серп, столярный инструмент и т. д. В этом особенно отличался мой отец, после него брат Иван, далее – муж сестры Ольги Сергей Михайлович Карпович. Даже я, будучи ещё подростком, многое от них перенял. Вся домашняя утварь, начиная с детской люльки, бадьи для купания детей, приспособления для изготовления масла и заканчивая даже ткацким станком (кроснами) – всё это было изготовлено отцом, а затем многое и братом Иваном. Мне тоже кое-что передалось в умении. Например, изготовление каких-нибудь игрушек. Ведь тогда ничего нельзя было купить, да и возможностей для этого не было. Игры у нас, детей, были простые, но бывало так здорово набегаешься, что до пота. Из игр запомнились чижик, лапта, пикар, мячей не было. Вместо их — войлочная или тряпочная самоделка. Трудная игра – в бурду, это когда игроки стоят на расчерченном круге, у каждого своя лунка, охраняется вставленной в неё палкой. А тот, кому по жребию надо проникнуть в круг с палкой и консервной банкой и попасть банкой в центральную лунку и если попадёт, то он ставит свою палку в любую чужую лунку, её должны при этом освободить и все должны поменяться лунками. Кто остался без лунки, тому и водить. А при вождении каждый из играющих может ударом палки отбить банку от круга подальше, но не прозевать свою лунку, чтобы ведущий её не захватил. Если захватит, то вести придётся тому, кто её прозевал. Мне кажутся очень интересными две игры, которые неплохо бы знать ребятам и сегодня. Они нигде не публиковались и довольно занимательные. Для первой нужна только деревянная планка типа ученической линейки (или даже сама линейка) длиной 15 – 20 см с проделанным отверстием по центру и две одинаковые пуговицы. Берётся тонкая верёвочка или шпагат длиной примерно 40 см, шпагат складывается пополам и продевается в отверстие планки или линейки, свободные концы шпагата оба заводятся в согнутую его часть. Далее, на каждый конец шпагата надевается по пуговице и концы шпагата накрепко закрепляются по концам линейки и не должны освободиться. Инструмент готов. Одно только условие: чтобы пуговицы по размеру были больше отверстия в линейке, то есть не могли свободно проходить в это отверстие. Задача: соединить обе пуговицы вместе, а обратная задача – их опять разъединить. Вторая задача кажется более простой, особенно для школьников. Берётся любой квадрат, делится двумя линиями на 4 равные части, одна часть зачёркивается. Требуется разделить фигуру из оставшихся трёх квадратов на 4 равные части, которые будут к тому же равны и по форме. Желаящим я могу дать пояснение, как эти задачи могут быть решены. Особенно первая, она вначале кажется вообще не решаемой.

Из инструментов я мог пользоваться только половиной подковы (как молотком), подкладкой из-под рельса (как наковальней), никаких ключей и клещей не было. Но и при таком

примитивном «инструменте», при старании и свободном времени можно было делать просто невозможное, Трудно поверить, но оставленный нашими при отходе на восток грузовик ЗИС был полностью разобран детьми до колёс, а потом и сами колёса до подшипников. Бывало, целые дни на пастбище проходили у этого грузовика. Что-то от него использовалось в хозяйстве, например доски от кузова, резина от колёс, болты, гайки. Остальное сжигалось в кострах. А нам, детям, было занятие на пастбище. Потом, уже при отходе немцев, находили в кустах, не успевших быть обожжёнными в кострах, винтовки, патроны, немецкие штыки-ножи, ящики с миномётными минами, авиационными снарядами и др. Было решение советских властей всё исправное из этого имущества, не обожжённое и без повреждений сдать на пункты сбора. Но не всё попадало на эти пункты. Много оставалось в кустах патронов, миномётных и авиационных снарядов. Мы их вскрывали, выплавляли из них тол, добывали из них порох, из зенитных снарядов даже кусочки динамита. Много чего взрывалось в кострах. Сейчас можно только удивляться, как мы уцелели. Ведь никто нами не управлял, не охранял, защищали себя сами. Некоторые ребята калечились.

Местная польская власть в крестьянскую жизнь деревни не вмешивалась. Надо было только платить установленный налог и страховку. Строго запрещалось даже в небольшом количестве, только для себя, выращивать табак, изготавливать самогонку, за что, например, попала под суд и отсидела 6 месяцев в Берёза-Картузской тюрьме моя тётя Елена, жена Минтюка И. А. При необходимости требовалось также участвовать в коллективном труде – ремонту местных дорог, устройству громоотводов, запруд, колодцев и т. д. Вся власть – это староста в деревне, солтысы в гмине и в повате. И тем не менее, несмотря на всевозможные запреты, крестьяне часто их нарушали. Я уже отмечал, что жизнь в деревне – это постоянный и упорный труд. Относительный отдых только в воскресенье и в различные религиозные праздники (Рождество, Крещение, Воскресение, Троица, Вознесение и др.). При поляках был и их национальный праздник «3 мая» – День неподлежности- (независимости), возникший ещё при «маршалке» Пилсудском. Но в наших деревнях его никто не соблюдал, да и никто не следил за этим. Требовалось только, чтобы к праздникам были опрятные избы, заборы, чистые дворы, дорожки, и, что характерно, чтобы обязательно были «бялэ хатки» (белые домики или дворовые уборные). Как видим, требования были вполне обоснованные и справедливые, хотя их особо никто и не соблюдал. Они больше соблюдались в канун религиозных праздников, основные из которых отмечены выше. Особый порядок наводился перед Пасхой в четверг (он так и назывался «чистый четверг»), когда после долгой зимы проходила генеральная уборка дома (мытьё потолка и стен, окон, дверей, чистка скромной самодельной мебели, икон, посуды и т.д., смена занавесок, оклейка или побелка стен и др.). Эту всю работу в основном выполняла сестра Оля, а мама – только когда позволяло здоровье. Немного помогали и мы с братом.

Моя мама была верующей, в каждый религиозный праздник посещала церковь, ежегодно перед Пасхой исповедовалась и причащалась, три страстных дня постилась, ничего не ела, каждый день, даже за работой, после утреннего умывания, вслух молилась и работала, знала наизусть все молитвы, читаемые в церкви, прививала это и нам, особенно Оле. Брату и мне это особенно не навязывалось, но мы и без того все эти молитвы знали наизусть, хотя вслух и не молились. Чтение и запоминание молитв, посещение церковных служб, проводимые священником в школе занятия и беседы (всё велось на старославянском, а школьные занятия – только на польском языке) помогли мне относительно хорошо освоить эти языки, свободно читать книги на этих языках в подлиннике. Мама особо чтит память об умерших родителях, муже, дочке Маши, дедушек и бабушек, их имена поминались за упокой в церковных службах. Еще характерной особенностью мамы являлось её стремление поддерживать нуждающихся. В память об умерших родственниках ежегодно на пасхальные и рождественские дни готовились нищим особые пожертвования. После освобождения от немецкой оккупации по деревням, особенно Западной Белоруссии, и в нашей деревне, поскольку находилась близко от стан-

ции, ходило много очень нуждающихся людей из Северо-Западных районов России (Великие Луки, Псковская, Ленинградская области, Осташков, Бологое и др.), которые особо пострадали в войну. Для них мама отдавала всё возможное, что на данный момент имела (картошка, оладьи, ячменные хлебцы, молоко, творог, яйца куриные, крестьянский сыр), некоторых просителей приглашала даже к столу. Как уже говорилось, мама, хотя и неграмотная, но была большая труженица и мастерица в прядении, ткачестве, шитье, вышивке, вязании. Она с Олей некоторые свои тканые и вышитые изделия (полотенца, покрывала, салфетки и др.) даже передавала в церковь, где они находились в качестве обрамления икон и подкладок, подставок, украшения. Мама умерла в 92 года, без мужа прожила 48 лет, вырастила и воспитала нас, детей, можно считать, достойными людьми. Незадолго до смерти она уже болела, не вставала, но по словам Оли перед смертью встала, на ночь умылась, сменила бельё, помолилась, легла в кровать и уже до утра не дожила. Это случилось 9 августа 1982 года.

В данных заметках я хочу особо остановиться на моей дорогой сестре Оле. Моя сестра Ольга Георгиевна (по мужу – Карпович) родилась в октябре 1921 г. в нашей же деревне Стариночки, где и прожила всю жизнь – до 21 марта 2008 г., то есть более 85 лет. Образование у неё начальное – 4 класса польской школы. Родной язык, конечно, белорусский, но по русскому языку читать и писать обучилась самостоятельно. Дальше учиться не было никакой возможности. Зато по трудолюбию и мастерству она была на высоте. Наша Оля прожила очень трудную жизнь. Тяжелое детство и юность в бесконечной тяжелой и нудной для таких лет работе на полях и в огороде, досмотр домашних животных, дойка коровы и уход за нею, работа на поле и в огороде и т. д. Уже в более зрелом возрасте – это чистка картофеля и его натирание вручную на тёрке, что бы уже утром мама могла из него выпекать драники, как основную еду по утрам для всей семьи. Эти драники по калорийности (700 ккал) превышают даже мясо. Каждый завтрак начинался, как правило, с них. Драники ели обычно со сметаной, маслом, творогом, размешенном на просоленной простокваше. Такая еда позволяла поддерживать организм в рабочем состоянии почти весь день. На обед обычно всегда были капустные щи, вареная или жаренная картошка, зелень (если летом). Во всех этих вопросах роль Оли была самая ведущая. Наша Оля была первой мастерицей по женской работе, будь то работа на поле, в огороде, в рукоделии, прядении, ткачестве, шитье, вязании, вышивке и др. Из всех её подруг, которых я знал, ни одна из них не могла быть выше её по мастерству. Мечтой Олиных подруг, да и её самой, была швейная машинка «Зингер», которая умела делать только прямую строчку, но и её купить была в состоянии только зажиточная семья. Оля имела такие хорошие способности, а приходилось заниматься и тяжелым физическим трудом – молотить зерно, крутить вручную соломорезку, прополка, жнивьё, таскание воды, корма для домашних животных и др. Но я не помню ни одного случая, что бы она пожаловалась на свои трудности. Оля вышла замуж за приличного молодого человека, моложе её на 16 лет, Карповича Сергея Михайловича, жившего с родителями недалеко от нашей деревни. Жили Сергей с Олей хорошо. Вскоре у них родились два сына – сначала Женя, а затем – Вася. Сейчас Евгений Сергеевич уже дедушка, имеет 5-летнюю внучку Алину (2012 г.р.), живёт в доме своей жены Татьяны, имеют троих сыновей, а Василий живёт один в нашем доме, он инвалид 2-й группы, пенсионер. Сергей Михайлович тоже оказался способным и мастеровым человеком, трудягой. Можно назвать лишь несколько фактов: самостоятельно изготовил телегу со всем необходимым для работы, хомут и дугу, весь набор конской упряжи, хотя лошади и не было. Особо увлекался механизацией ручного труда: уже в советское время установил электромотор и подключил его к соломорезке, тем самым исключил тяжелый ручной труд. Купил минитрактор с комплектом навесного оборудования: тележкой бортовой для перевозки различных грузов, плугом для пахоты, культиватором для обработки почвы. Долгое время он этим оборудованием пользовался, потом передал его старшему сыну, которое в работе и сейчас, если бывает нужно. К сожалению, Сергея Михайловича уже нет в живых, он умер незадолго вслед за Ольгой.

Мой брат Иван Георгиевич, кроме 4-х классов начальной польской школы, уже в советское время закончил так же одногодичную школу десятников-строителей в г. Молодечно. Такие школы были во многих городах Западной Белоруссии, поскольку после войны везде требовались сельские строители. По полученному удостоверению об окончании указанной школы брата зачислили на строительное отделение Минского политехникума, с образованием фактически только 4 класса, но в техникум был принят и успешно его окончил. В 1953 году он уехал работать в Берёзовский горисполком, затем на строительство Берёзовской теплоэлектростанции, в том же году женился, купил сруб на дом, получил в г. Берёза Брестской области участок для строительства, построил приличный жилой дом и всё необходимое, с садом, огородом, водопроводом, канализацией, газоснабжением и отоплением, надворными постройками. Всё это требовало больших затрат, физических, умственных сил и умения и не каждому это дано. Прожил Иван с женой Ниной Никитичной всю оставшуюся жизнь. Их дети, дочь Татьяна и сын Александр, сначала жили у родителей, учились в ВУЗах, затем Таня после окончания педагогического института вышла замуж за военнослужащего Птицына Николая, майора, проходившего службу в Иркутске, имели там квартиру, родили двоих девочек – Олю и Иру, у Иры есть сын Андрей, сейчас заканчивает техникум. По просьбе Николая его перевели в Днепропетровск, потом он перешел на гражданскую работу, сейчас ещё работает, но на пенсии. А Таня продолжает работать учительницей русского языка и литературы в средней школе Днепропетровска, на вопрос – как там относятся к её работе и русскому языку в школе, говорит, что хорошо, но язык идет только как предмет, а всё преподавание ведётся на украинском. В её семье говорят только по-русски. И так во многих семьях. Живёт с мужем и дочерью Олей, а Ира с сыном, а Таниным внуком, Андреем живут не с ними. Александр, инженер-строитель, работает на Брестской таможне, его жена Инна, тоже инженер, имеют сына Максима, студента, живут и работают в Бресте. Жена Ивана Нина Никитична вскоре (1998 г.) умерла, а за ней в 2010 году умер и Иван Георгиевич. Я даже не знаю дальнейшей судьбы их дома. Долгое время в нём никто не жил.

1.6. О деревенских специалистах и умельцах-самородках

Коснёмся некоторых жителей нашей деревни, мастерах своего дела и умельцах-самородках. Все эти умельцы нигде не учились, многие были даже без начального образования. При поляках до 17 сентября 1939 г. молодёжь имела возможность (и для выполнения домашней работы и для учёбы и то не всегда) посещать только начальную четырёхклассную школу, расположенную в соседней деревне Городечно. Чтобы учиться дальше – никто и не помышлял. Из всей деревни Старинки одному только мне довелось дальше учиться в неполно-средней школе, и только благодаря своему желанию, согласию и помощи от своей семьи. Ведь подросткам надо было помогать родителям, впрягаться в нелёгкий крестьянский труд, учиться другой науке – тяжёлой, изнурительной крестьянской работе и только если появлялась возможность, была способность и желание, то попутно осваивать и другие профессии: столяра, портного, сапожника, кузнеца, шорника, специалиста по выделке кожи, по изготовлению телег, саней и др. Такие специальности требовали соответствующей подготовки, практического обучения. Если, например, родители захотели выучить ребёнка какой-нибудь из указанных или других профессий, то для этого надо было не только материально заинтересовать соответствующего мастера, но и передать в его распоряжение своего подростка на длительное время для обучения. Порой такое «обучение» превращалось в долгое использование дешёвой рабочей силы. Поэтому и обучение затягивалось на долгое использование этой силы для выполнения второстепенной, вспомогательной работы, мало способствующей освоению будущей профессии. Например, подготовка и острожка пиломатериала у столяра, всякие вспомогательные работы с тканями, нитками, пуговицами – у портного, изготовление дратвы – у сапожника, ковать заготовки, не зная куда они будут использованы – у кузнеца, и т. д. Обучающие мастера не всегда были заинтересованы быстрее обучить подростка будущей профессии и лишиться, таким образом, хорошего бесплатного помощника. Поэтому и обучение затягивалось на годы, если ученик сам не постигнет необходимые навыки и тонкости данной профессии. Поэтому каждый желающий освоить нужную профессию старается самостоятельно, методом «проб и ошибок» вникнуть в тонкости профессии и добиться выполнения нужной работы с высоким качеством, завоевать себе имя. Приведу несколько примеров подготовленных мастеров или умельцев от природы, то есть самородков. Часто привожу пример нашего выдающегося столяра Виктося (Виктора). Не имея образования, никакой специальной подготовки и обучения, только за счет своих природных способностей он в столярном деле творил просто чудеса. Так, моей маме в 1951 году пришлось к нему обратиться для изготовления к нашему новому домику пяти окон и двух дверей. Окна он сделал со своего добротного материала, двухстворчатые, с форточками, с зимними, снимаемыми весной переплётами, со всеми петлями, крючками и ручками. Им сейчас почти 70 лет, не имели никаких перекосов, затруднений с открыванием и закрытием, не рассыхались и никогда не гнивали, собраны в хороших оконных коробках, безупречно служащих по сей день. Так же очень надёжно и привлекательно сделаны филёнчатые двери с очень удобными петлями, ручками и замками. Применял в работе рубанки не простые, а с фигурными лезвиями, создающими красивые бороздки, чистую и гладкую, без всяких сучков, поверхность. Вот это и есть мастер-самородок! Никто за ним не следил, заказчик не ставил никаких условий, задал только размеры. Остальное всё он сам. Делал от души!

Возьмём другой пример. Жил в деревне тоже самоучка и умелец портной Кондрат. Он больше специализировался на пошиве тулупов и шуб из натуральной, выделанной овчины. Шил так, что скорее изнашивается овчина, чем разойдутся швы. Он жил у заказчика несколько дней, с содержанием, уходил только после полного завершения работы. Из инструментов имел только ножницы, шило и иголку с особыми нитками. Надо так же сказать, что мастерством пошива тулупов и шуб из овчины обладал не только Кондрат. У мамы была овчинная шуба,

доставшаяся ей ещё от своей матери, а ей тоже от своей матери, и прослужившая маме всю жизнь до самой смерти. Этой шубой мама пользовалась также и как тёплым одеялом. Прослужила эта шуба около 100 лет и все швы, выполненные вручную, были целы.

Можно сказать добрые слова и о мастерах-самоучках сапожного дела. Обычно было заведено, что каждый парень перед женитьбой считал своим долгом иметь хромовые сапоги. Делались они, конечно, вручную мастером-сапожником из натурального хрома и натуральной кожи. Никакие клеи и железные гвозди не применялись. Для швов применялась сапожная дратва (специально изготовленная из домашних своего изготовления ниток со специальной обработкой), а подошва и каблуки крепились самодельными деревянными (!) гвоздиками. Их делали так. От дубового, берёзового или ясеневое средней толщины куска бревна отпиливался поперёк на $1 = 1,5$ см кружок, потом его топором разрубали вдоль волокон на нужную толщину гвоздика и без всякой дальнейшей обработки в проколотые шилом отверстия загоняли эти «гвоздики» и получалось надёжное и долговечное соединение. Эти «гвозди» располагались двумя рядами в шахматном порядке. По мере изнашивания подошвы и каблуков изнашивались частично и гвоздики, но они продолжали выполнять свою функцию до полного износа. Это же намного лучше сегодняшнего склеивания и применения железных гвоздей, быстро выходящих из строя..

1.7. Предвоенный период

В местную начальную школу я ходил, как почти все ученики, в лаптях и домотканой одежде. Конечно, я уже стеснялся ходить в лаптях, мама об этом знала и перед походом в 5-й класс в Забрескую школу за 7 км, на семейном совете мама решила сшить мне сапожки. Нашла местного сапожника, который со своего материала согласился это сделать. Позвал нас на замер, но сделал без всякой поправки на вырост и когда я их одел, то оказались тесными, хотя были очень красивыми и крепкими. А уплатили мы за них по тем временам очень много всего (соль как тогдашний эквивалент денег, масло, зерно, шерсть и др.), этим добром были загружены самодельные детские санки (в 2 раза больше нынешних). Я, конечно, с большой радостью всё равно их надел, пошел в школу и, конечно, сильно натёр ноги. Придя домой, я эти сапожки забросил на чердак и больше к ним вообще не прикасался, они через 2 недели уже вообще не влезали. Пришлось опять брать лапти, которые даже сам научился плести. Таким образом, мы с мамой допустили с сапожками явный промах. Зато в другом, очень важном деле, мама, хотя и безграмотная, никогда не ходившая по начальству женщина, смогла сделать очень важную работу. Брат Иван, будучи по тем существующим при оккупации документам 1928 года рождения (хотя фактически он был 1923) был призывного возраста и при мобилизации мог попасть в немецкую (!) армию. И вот мама заготовила последнего кабанчика, собрала ещё что-то и пешком за 18 км пошла в г. Воложин, где-то там узнала к кому из немецких властей можно обратиться, нашла его, отдала всё, что имела и добилась, чтобы Ивана освободили от призыва. Как это ей удалось – неизвестно.

Брат Иван решил сделать для меня, ученика еще начальной школы, хорошие лыжи и всё к ним остальное. Где-то нашёл двухметровую берёзовую толстоватую жердину, распилит её вдоль, отесал вдоль волокон, придал нужную форму будущим лыжам, чтобы форма их была с загнутыми концами, кипятил их в каком-то растворе, высушил и окончательно обработал. Надо было только долго шлифовать, чтобы достичь скольжения. А дядя Прокоп для сына Миши лыжи сделал очень просто из 2-х клёпок от большой бочки. Основной их недостаток – загнуты они в середине, по форме клёпок этой бочки. Зато имели преимущество – большое скольжение. Коньки в школьные годы я делал сам: из поленьев для печи делал заготовки в виде 2-х брусков, снизу по две прорези, в них укреплялись полозья из толстой проволоки, просверливались по две дырки для подвязок к лаптям. Вот и всё. Катайся.

Могу сказать (несколько забегаая вперёд), ещё об одном методе передвижения. Мне, как ученику из бедной семьи и отличнику, выдали в техникуме какой-то талон на бесплатную (плата была, но какая-то символическая) покупку английских армейских ботинок из великолепной натуральной кожи, на крепкой подошве с подковками. Они были несколько для меня великоваты, но я был очень доволен и проходил в них весь срок обучения и даже далее. К ним можно было пристёгивать коньки и я очень этим пользовался.

Кажется, в 1940 году у нас был сильный (до 40 гр.) мороз и, к большому сожалению, вымерзли плодовые деревья. Садик у нас был небольшой, ещё посажен отцом, только начал плодоносить, как в следующую весну деревья уже не распустились, засохли. И в это время у Ивана созрела одна идея. При обычных жерновах крутить боковым усилием верхний жерновой камень по неподвижному нижнему тяжело, быстро устаёшь. Что, если бы усилия прилагались не горизонтально, а вертикально, как в велосипеде? Идея понравилась и дяде Прокопу и он подключился. Для изготовления такого «механизма» потребовались только две шестерни, расположенные одна к другой под прямым углом: верхняя побольше, ведущая, а нижняя, малая, ведомая. Но трудность в том, что нигде таких шестеренок было не найти. Тогда кто-то из них предложил эти шестерни сделать из твердого дерева, например из только что замерзшей груши, ведь груша – необычайно твёрдый материал. Дядя Прокоп сделал чертёж, рассчитал

количество зубьев, их расположение и т. д. Спилили грушу, вытесали шестерни, смонтировали, установили нехитрое приспособление для равномерной подачи зерна из бункера на размол и др. Модернизация жернов удалась, размол пошел значительно легче и все были довольны. Но потом шестерёнки быстро изнашивались и дальше опыт не пошёл. Огромный ручной труд и время были потрачены зря и только из-за того, что не нашлось где купить какие-то две шестерни. Сегодня это было-бы пустяк, а тогда – проблема.

Ещё один эпизод из жизни семьи. У мамы разбилась большая столовая глиняная миска. Иван решил попытаться отлить новую, но не из глины, а из алюминия, которая никогда не разобьётся. Алюминий можно было взять из обшивки сбитых в войну самолётов. Мы с Иваном такие места знали и один раз пошли за этим металлом. Принесли, прикинули, что его вполне хватит на одну миску. У брата был заготовлен сухой, чистый песок для формы и начали. Мы знали, что алюминий плавится при 700 градусах. Такую температуру на обычных дровах не создашь. Но у нас было много сухого торфа и на нем можно. Миска отливалась на песчаной форме с отверстием для залива. Расплавили алюминий, залили в форму до верха, открыли форму после охлаждения, миска получилась хорошо, но потребовалось потом срезать остаток алюминия, полученного в лотке при заливке. А срезать такой застывший круглый кусок алюминия со дна миски без нужного, как сейчас, инструмента оказалось тяжелой задачей и от дальнейшего литья пришлось отказаться.

Однажды мне пришлось работать с братом при добыче торфа для топлива. Скажу сразу, что это адский труд. Делается это так. На выделенном торфяном групповом участке примерно 3х3 м сначала срезается растительный и песчаный слой. Затем брат специальным резком-лопатой нарезает торфяные глыбы послойно, передаёт мне наверх, а я их отношу на край участка. Глыбы мокрые, ломкие и крайне тяжёлые. На этом участке торф залегал на глубину около 2 м. Чем дальше копаешь, тем труднее поднимать эти глыбы на поверхность и относить. Этой работы нам хватало на целый длинный летний день. Дальше глыбы ставятся вертикально по 3- 4 штуки, с наклоном, для сушки. После высыхания увозятся домой на дровяной склад.

Ещё коллегиальный труд – это сенокос. Требовалось не только скосить траву, но и высушить её как сено, сохранить от дождей, добыть телегу с лошадьёю и привезти домой, разгрузить, снести в сарай и загрузить на место. Ранней весной, как только сойдёт снег и подсохнет почва, мы всей семьёй (обычно это было на 4-й день Пасхи) выходили на поле для сбора и выноса камней. Удивительно, откуда они берутся, если каждую весну убираем, а они всё появляются? Это тоже труд нелегкий: надо камни собрать в кучи, потом их унести и выгрузить в нужные места на грунтовой дороге. Работа эта проходила весело, ведь близилась весна и всё оживало. Пилить и колоть дрова – это тоже постоянная работа на селе. Дрова надо заготовить, распилить, расколоть, сложить в штабели или в поленницу, защитить от атмосферных осадков. В нашей семье дрова использовались одновременно с торфом. Это было более эффективно, чем только дрова, была более высокая теплоотдача.

Всегда весной у нас коллегиально решался вопрос – что, где и сколько сеять, отводить для этого место, учитывая, что его всегда было мало. Требовалось как можно больше удовлетворить запросы семьи. Потребность, конечно, всегда превышала возможности, приходилось останавливаться только на самом необходимом: на рожь отводилось не более 2 соток, на картошку – не более 3. На лён 1. Ячмень и гречка – тоже по 1, на всё прочее оставалось менее половины площади. Вот и думали, гадали. При этом, надо было учитывать и то, что посевы должны располагаться на площади без повторения прошлогоднего, то есть должен быть севооборот. От расположения посевов зависело, куда и сколько завозить для удобрения почвы навоза, который за зиму накапливался. Всё это было не так просто решать. Надо, конечно, было маме накопить для оплаты посевной наёмному работнику за 3 рабочих дня- дяде Семёну, он ежегодно делал у нас эту работу, будучи вместе с лошадьёю и телегой. Оплата за работу по существующей тогда разумной таксе стоила 10 злотых. Но откуда брались эти большие для семьи деньги?

Это в основном ручной труд мамы и Ольги на полях у кулаков по прополке и уборке овощей, жнивье от зари до зари, брата — на лесозаготовках, косьбе, уборке. Мама ещё продавала часть масла, сметаны, творога, яиц. Сами мы обходились не только что полученным свежим молоком, а молоком уже после снятия на сливки для изготовления масла, а также творогом, маслом, сыром, хотя и с некоторыми ограничениями. Но молоко, которым мы пользовались, хотя уже частично и после снятия на сливки, было очень высокого качества, по современным меркам несравнимо с тем, что едим теперь, в нём не было никакой химии, никаких «Е».

Для мамы ещё отцом было сделано великолепное приспособление для изготовления масла. Оно представляло собой усечённый конус из деревянных клёпок диаметром в днище 25 см, вверху около 15 см, высотой около 70 см, с отверстием для пропуска ручки, оканчивающейся крестовинкой из двух планок. В эту маслобойку заливались сливки и этой ручкой движением сверху вниз взбалтывались до появления масла, сначала в комочках, а потом и целым комком. Оно сливалось, промывалось и вот оно, готовое масло. Ни одно масло сегодняшнего заводского изготовления и близко с ним не сравнится.

Я уже начал учиться во 2-м классе польской школы, когда произошло знаменательное событие — 17 сентября 1939 года в Западную Белоруссию вступила Красная Армия. Я хорошо помню это время. На примере даже нашей бедной, забитой деревни можно было видеть народное ликование, радость и энтузиазм, с которым было встречено это событие. Но было и другое. Наша деревня находилась немногим более 1 километра от железнодорожной станции Воложин, где имелось несколько небольших складов, в основном зерновых. В первый же день после освобождения от белополяков жители всех ближайших деревень всё съестное из этих складов растаскали (зерно, муку, сахар, соль и др.). Тут же стал решаться и другой вопрос — раздел помещичьей земли. Даже нашей маме, как вдове и с тремя детьми, достался приличный надел, даже больший, чем у нас был. Я и сейчас помню это очень хорошее место, где он находился. Сколько же было радости! Но радость оказалась преждевременной. На всей принадлежащей жителям земле, включая и бывшую помещичью, был создан колхоз «Страна Советов», который существует даже сейчас, даже через почти 80 лет. Но сейчас народу в деревне стало очень мало, земля никому уже не нужна, даже приусадебные участки не имеют никаких ограничений. Но тогда это был вопрос №1. Тем не менее, население деревни было очень довольно освобождением от польской зависимости и нищеты, от постоянного притеснения в использовании сенокосных участков, пастбищ для скота, лесных угодий.

Описывая период работы в деревне в довоенное время, нельзя не сказать об одной сельскохозяйственной культуре, которая имела огромное значение для жизни и быта сельского крестьянина того времени. Такой культурой является лён и изделия из него. Известно, что лён в Белоруссии культивируется с давних времён. Особенно в довоенное время и в период немецкой оккупации лён имел в жизни любого крестьянина исключительное значение. Ведь льну мы обязаны были в то время всем: верхней и нижней одеждой, постельными принадлежностями, обувью, внутренним убранством жилых и общественных зданий, льняным маслом и ещё много чем. В те времена невозможно было представить жизнь крестьянина без этой культуры. Потому в любом хозяйстве льну отводилось особое место при размещении сельскохозяйственных посевов, наравне с зерновыми культурами, картофелем, капустой и др. Не случайно Белоруссия является лидером по льну, сейчас она располагает многими льнозаводами. Наша семья льну отводила максимально возможную посевную площадь. Учитывалось многогранное применение этого растения и что лён практически не имеет никаких отходов, которые невозможно использовать. Посеянный лён растёт плотно, поэтому в нём почти не бывает сорняков, а при его использовании — отходов. Соломка льна в зрелом виде заканчивается заполненной семенами головкой размером с горошину, легко поддающуюся обмолоту. Корешок льняной соломки в почве залегает неглубоко и непрочен, что облегчает уборку. Убирать лён легко: работник охватывает горсть льняной соломки и вырывает её с корешками, встряхивает и соби-

рает в снопики, обвязывает и их уже можно обмолачивать. Полевая работа с льном на этом заканчивается. После обмолота лён подлежит непростой переработке, по особой технологии, выработанной веками.

Начать хотя бы с того, что снопики льна должны быть вымочены 2 -3 недели в стоячем водоёме, затем просушены, как обычно. После сушки лён всё ещё в снопиках подлежит пропариванию в нагретом воздухе, как в банной парилке и сушится для того, чтобы льняная соломка была ломкой, а не гибкой и вялой. Мять лён – это тяжёлая, однообразная и весьма пыльная женская работа. Обычно её делают коллегиально в предбаннике, где лён проходил прожарку. Женщины это делали по очереди, помогая друг другу. Мнётся лён на специальной льномялке. Она состоит из двух стоек с поперечными опорами ножек, соединённых перекладиной с 2 -3 продольными вырезами для вхождения верхней перекладины с 2 -3 продольными выступами. Верхняя перекладина соединена на шарнире с нижней и имеет ручку для выполнения движения вниз – вверх. В зазор между перекладинами вставляется небольшой пучок льняной соломки и движением ручки сверху вниз льняная соломка через несколько таких движений превращается в чистую льняную пасму, которую после встряхивания от лишней костры можно уже передавать для прядения.

Моё поколение уже не застало старинных методов прядения льняного волокна с помощью веретена да ещё при освещении лучиной. В моё время пользовались уже керосиновыми лампами, а пряли прялками. Прялка в то время – это уже машина, хотя и ручная. Она позволяет резко повысить скорость прядения. Это колесо, приводится к вращению ножной педалью, одновременно через обод колеса, соединённого с верхом, где находится шпулька, сучит пряжу и вращает шпульку, на которую наматывается пряжа. Пряжа сначала получается из льняного волокна при обработке его вручную со смачиванием его мокрыми пальцами. От долгого прядения кожа на пальцах у прядильщицы местами прорезается, даже кровоточит. Это основной недостаток работы на прялке. Зато скорость! По мере наматывания пряжи на шпульку требуется её замена на другую, свободную. А снятую, заполненную шпульку требуется перемотать на бабину (витушку), которая может уже содержать большой объём пряжи. Прядение даже на прялке требовало затрат большого количества времени. В нашей семье прядением занимались мама и Оля. Мы с братом ложились спать, – они ещё прядут, утром просыпаемся – они уже прядут. И так день за днём кроме воскресенья, которое всегда считалось праздничным днём, как и другие праздники. Оля в прядении была большая мастерица. Трудно поверить, что бы вручную можно было спрясть такую нить, чтобы она, состоящая из двух ниток, могла быть свита в одну, проходящую через ушко средней швейной иглы и могла использоваться в ручном шитье даже тонких тканей. Для этого, конечно, требовалось подобрать самую высококачественную пасму льна, годную для такой работы. Так вот, помню, как Оля один год сделала таких ниток плотный клубок размером с пивную кружку, этими нитками пользовались несколько лет. Многие считали это недостижимым, а Оля смогла. Вот что такое лён и умелые к нему руки, мастерство и терпение.

После прядения начинается уже операция с пряжей, которая намотана на бабины (витушки). Для этого берутся уже заготовленные две стойки на высоту комнаты, по этим стойкам через каждые 30 см прикреплены гладкие деревянные колышки. Эти колышки прикреплены к несущей стойке одним концом (через отверстие в стойке), а другой конец – свободен. Одна стойка с колышками со свободными концами прикрепляется в одном углу стены, а другая – в другом углу. Стена комнаты с этими двумя стойками освобождается к свободному доступу на всю её длину. А далее Оля надевает мягкую обувь, берёт заготовленную планку в виде ложки с отверстием на дне этой «ложки», продевает в отверстие нитку из «витушки» и начинает беготню по комнате от одной стойки с колышками с закреплённым на первом из них концом нити к другому, нанизывая по ходу на эти колышки нить. И так приходится бегать несколько часов, пока не освободится витушка от ниток. В результате получают уже

не пряжа, а отдельные пасмы пряжи, рассчитанные на будущую окраску, какая потребуется для планируемой ткани. Пасмы, конечно, перевязывают, чтобы не перепутать нитки. Эта процедура является основой для будущей ткани. Далее пряжа снимается с гладких колышек, сматывается в отдельные мотки и идёт для дальнейшей обработки. Она заключается в том, чтобы мотки пряжи прокипятить в воде и для их умягчения пропускают через ступу, проколачивая пестиками (лучше двумя одновременно), мотки готовы к окраске. Их погружают в подготовленный раствор краски, снимают с окраски, просушивают и пасмы пряжи готовы к выработке нужной ткани (то есть, к ткацкому процессу). У мамы был изготовленный ещё отцом примитивный ручной ткацкий станок, состоящий из 4-х стоек с двумя навоями (подающим и наматывающим) и поперечной верхней перекладиной для подвешивания на роликах нитов, предназначенных для переплетения подаваемых нитей (основы) с нитью, подаваемой челноком (уток). Этих нитов может быть или один, если ткань прямого переплетения (без узора) или несколько (было даже до 8-ми) при сложном или весьма сложном узоре ткани (например, скатерть, салфетка, полотенце, ткань для платьев и другие сложные узоры).

Наматывание мотков пряжи на подающий навой происходит через разравнивание мотка на всю ширину будущей ткани и создания достаточного веса для обеспечения плотности намотки. Для этого брали деревянное корыто, загружали в него мотки пряжи, что-нибудь потяжелее, (например, неполное ведро воды), садили в это корыто и ребёнок, вроде меня в детстве, наматывали на подающий навой равномерной плоской полосой пряжу (основу). Далее пряжа попадала в один или несколько нитов и бердо (специальная деревянная пластина длиной около 1 м и шириной около 15 см с множеством вертикальных плоских пластинок для прохождения нитей к челноку). Для обеспечения переплетения нитей в ткань они проходили через один или несколько нитов (в зависимости от сложности узора ткани) и бердо и посредством расположенных внизу у ткачихи ножных рычагов создавалось усилие для переплетения и возможности для продвижения челнока с нитью (уток). Далее процесс ткачества проходил просто: подаваемая через рычаг с навоя нить проходила через ниты и бердо. Ткачиха получала через плетение узор ткани и одновременно возможность продвижения челнока для другого хода. В этом процессе совместно участвуют голова, руки и особенно ноги ткачихи. Поэтому в данном процессе требуется большая смекалка и опыт. Этим особенно обладали мама и Оля.

Созданная таким образом ткань шла на изготовление одежды или сматывалась в рулоны и, если это полотно, то оно должно пройти стадию отбеливания. Эту стадию кратко можно описать так. Каждое утро, весной в солнечный день Оля собирала рулоны изготовленной за зиму с таким трудом ткани, несла их на лужок перед нашей речкой. Там была небольшая кладка из досок, соприкасающаяся с речной водой. Рулон ткани погружался в чистую проточную, воду, один конец рулона ложился на кладку, другой, периодически смачиваясь, ложился на кладку и деревянной киянкой с плоским низом отбивался этой киянкой со смачиванием. Отбитый конец рулона сматывался на другой, подавался на кладку следующий и так много раз и не один день. Отбитый рулон выносился на траву и раскатывался для просушки на солнце. Такая операция повторялась много раз, пока рулон ткани не станет белым. Наша Оля могла таким образом выкатить на просушку больше всех рулонов. Мы все этим очень гордились.

1.8. Моё трудовое участие в жизни семьи

Описывая быт нашей семьи в предвоенный период, мне в самый раз будет сказать и о себе, как у меня проходили зимние дни в деревне до того периода, когда я уехал на учёбу в Гродненский строительный техникум, и потом, в летнее время, в период каникул. Я уже как-то отмечал, что никому из членов семьи сидеть и бездельничать не приходилось. Это делалось лишь по воскресеньям и в праздничные дни и только тогда, когда домашние животные, даже собака и кошки, накормлены, напоены, досмотрены. В длинные зимние вечера молодёжь, включая и моих сестру и брата, ребят из бывших наших солдат, осевших во время войны у нас в деревне на короткий срок (об этом скажу несколько позже), находили много интересных игр, забав, загадок, песен, разных случаев из жизни, что было и всем интересно. В будние дни для всех членов семьи находились занятия. Я уже говорил, сколько труда и своего мастерства вкладывала сестра Оля, это была великая труженица. Ни минуты не сидела без дела. Так же и мама. Моему брату дома тоже всегда работы хватало. Если он что-то и не мастерил, то очень следил за исправностью инструментов, относился к ним очень ревностно, как и наш отец. Топор, пилы, ножовки, стамески, рубанки всегда наточены, плотно осажены, всегда готовы к работе. Особенно нравилась мне его коса. Он умел её хорошо выбрать, отбить, осадить, коса у него звенела и свистела в работе, с ней было приятно работать. Брат с такими инструментами работал только сам, никому их не давал.

Мама и Оля при панской Польше в поисках заработка в летнее время, особенно в пору прополки посевов, жнивья, уборки льна, картошки и др., шли туда, где требовался ручной женский труд. Такая работа оплачивалась по договоренности, обычно это не более 1 – 1,5 злотых за день, но за повышенную плату помещик или кулак требовали и более продолжительной работы. Мама шла на всё, чтобы хоть как-то заработать и она крутилась как могла: что-то зарабатывалось трудом, продавала часть масла, яиц, творога, сыра. Требовалось на год не менее 15 злотых. Из них 10 уходило на оплату уже упоминаемому нашему постоянному работнику – дяде Семёну за вывоз весной на поле навоза для удобрения почвы, посев ячменя, овса, гречки, льна, распашку огорода под грядки, посадку картошки под плуг. На это у дяди Семёна, отца моего лучшего друга, к сожалению, уже давно умершего, Степана Семёновича Скопца, уходило 3 дня работы с лошастью. А маме надо было приготовить полный обед (миску щей с мясом и со сметаной, сковороду блинов, яичницу с ветчиной, молоко и др.). Кроме 10 злотых за указанную работу, маме требовалось ещё уплатить налоги, страховку, всякие мелкие поборы, это тоже не менее 5 злотых. Всего, как видим, требовалось не менее 15 злотых на год. Как в селе рядовой крестьянке найти эти 15 злотых? На это были нацелены все усилия семьи.

У моей мамы масло изготавливалось почти в стерильных условиях. Как это делалось? В каждом доме, где имелась корова, никто масло не покупал, всё делалось своими силами. Продавала мама масло одной женщине, еврейке Томке, жившей в доме на нашей станции. Она была привередливая, стремилась всячески снизить цену. Маме было даже обидно, что при таком качественном продукте делать какие-то замечания, но приходилось помалкивать, сбыта не было. Для получения сливок покупается обычно самодельный цилиндрический бидончик из оцинкованной жести, имеющий внизу окошко со стеклом и сливным краником. Верх закрывается крышечкой. Имеется ручка для подвески. После удоя процеженное молоко заливается в этот бидончик, закрывается крышечкой и опускается в колодец почти на всю высоту для отстоя в воде и охлаждения. Вечером бидончик с нижнего краника сливается – сначала отстоявшееся молоко, а за ним (через окошко это хорошо видно) сливаются в другую ёмкость готовые сливки для изготовления масла. Как это делалось – было уже сказано выше. Питательная ценность даже отстоявшегося молока практически для нас не снижалась, по вкусу – тоже. Из этого молока получалась отличная простокваша, хороший творог, домашний сыр и т. д. Наша корова

Паземка (по-русски Земляника), хотя и была очень вредной и хитрой по характеру, но давала неплохие удои качественного молока, являлась нашей кормилицей, по сегодняшним меркам оно по качеству превышало продающееся в магазинах даже отборное молоко. Поземка может это и «понимала», поскольку всячески пользовалась нашей добротой и вниманием к своей особе.

Будучи подростком, я за завтраком съедал 4 картофельных блина —драника: 2 с творогом, разбавленным простоквашей, и 2 горячих блина, обильно, без ограничений смазанных маслом. Таким завтраком я был сыт большую половину дня, он не приедался и подходил для каждого дня. В советский период крестьянская жизнь в деревне сильно изменилась: появились в продаже одежда, обувь, товары первой необходимости, наш колхоз позволял крестьянству производить и иметь необходимые продукты для обеспечения жизненных потребностей, отпала необходимость все товары делать своими руками (одежда, обувь и др.), отсюда исчезла потребность сеять и обрабатывать лён (о котором я так много написал), и некоторые другие растения (рожь, пшеницу, овёс, гречку, коноплю и т.д.), поскольку получаемые из них товары уже были в продаже. Колхозникам стали выплачивать заработную плату деньгами или нужными продуктами (вместо трудодней), сохранились приусадебные участки без ограничения площадей. На участке стало возможным сеять и сажать кто что желает, никто не ограничивал содержание домашних животных, можно было уезжать на заработки в города, иметь паспорта.

Следует также сказать и о том, как в условиях деревни проходили выборы в Верховный Совет СССР в 1940 году. Такого энтузиазма и торжества деревня ещё не знала: не требовалось никаких агитаторов, люди шли на участок при полной явке, со стихами, песнями, флагами. Всё было бы хорошо, если бы не тревожная обстановка в Европе и мире. Ведь уже почти 2 года шла в Европе война, развязанная Гитлером. Даже в нашей деревне чувствовалась тревога и было некоторое напряжение. Писали потом, что было много всяких лазутчиков и шпионов. Ходили некоторые подозрительные люди и у нас.

Моя трудовая деятельность официально началась в далеком 1950 году, то есть 66 лет назад, из них непрерывный трудовой стаж составил 63 года. А фактически начиналась моя такая долгая трудовая деятельность где-то с неполных 4-х лет, когда у меня возникли первые трудовые обязанности. Все члены нашей семьи имели трудовые обязанности. Появились они и у меня: охранять посеянные на рассаду семена от ворон, воробьёв, сорок, своих же кур, чтобы птицы не склевали рассаду. Для подстраховки грядка с рассадой прикрывалась до всходов ветками. Потом, после всходов, а также и во время посевов ржи, ячменя, льна и др. так же надо было охранять посевы от этих птиц. Эти обязанности были целиком возложены на меня, пока не пошёл в школу.

Могу смело сказать, что исполнение своих трудовых обязанностей проходило под собственным контролем, никто не заставлял эти обязанности строго выполнять, они исполнялись как бы автоматически, в нужное время, в нужном объёме.

Наша мама строго относилась к этому. За любую ошибку, оплошность, не выполненную или плохо выполненную работу мама выражала своё недовольство характерным голосом, который мы все хорошо знали и запомнили, как особый сигнал и оценку. Такие свои выражения недовольства мама чаще всего относила к сестре и брату, что мне казалось не совсем справедливым, поскольку они работали, не покладая рук. В мой же адрес упрёков было мало и мне было неудобно, поскольку мой вклад в общее дело был очень мал по сравнению с сестрой и братом. Видимо, причиной было то, что я был самый младший в семье.

Но один раз и мне досталось от мамы. Случай был такой, который я помню и сейчас. Я как-то зазевался и допустил, что наши куры забрели на зерновой посев, стал их прогонять, а одна, самая любимая мамой и ласковая курица, не стала убегать полем, а побежала по узкой меже. Я пустился за ней вдогонку, она по своей привычке быть довольной вниманием к своей особе, посчитала, что я с ней играю, её ловлю, присела, распустила крылья для её обычного

обласкивания, а я с большого разбега на неё налетел и нечаянно прибил. Мама была очень огорчена, ведь курица погибла в самое продуктивное для её время. Мама даже попыталась меня наказать, но я убежал, хотя был тоже очень огорчён. Всем нам было очень жаль эту хорошую курочку. Этот эпизод был, пожалуй, единственным, которым я так огорчил всех в семье и особенно маму.

Потом была для меня неприятная и трудная, раз в год, работа по уборке слежавшегося за зиму куриного помёта в низком очень пространстве под русской печью (там куры жили в зимнее время) и в это пространство мог влезть только ребёнок, вроде меня. Этот пласт помёта, сухой, плотно слежавшийся, требовалось понемногу вскрывать и лопатой с коротким черенком передавать в комнату, откуда уже кто-то из взрослых выносил в общее место для навоза перед вывозом его на поле. У меня на выгрузку этого «груза» уходил целый день, для меня, ребёнка, эта работа была не из лёгких и только на коленках (не позволяла высота), но утешало то, что такая работа была только один раз в году. Но ещё и потому эта работа меня утешала, что я понимал – кроме меня её никто из семьи не сможет сделать. Ещё аналогичная моя обязанность (уже не разовая) была в том, чтобы помочь маме в подготовке корма для кабанчика, которого мама ежегодно держала, а кормов постоянно не хватало. Разве можно было не помочь в этом маме? Приходилось брать на санки две плетёные корзины, молоток, рукавицы и идти с санками по проезжей дороге в поисках каких-либо отходов проезжающих телег или подвод, включая и конские смерзшиеся «шарики», которые потом дома дробились и давались в корм, как добавки, которые кабанчик и куры охотно поедали. Брат Иван в зимнее время много пилил, тесал, строгал, что-то всегда мастерил, притом только в хате и поэтому появлялось много опилок, щепок, стружек, убирать которые приходилось мне. И эта работа мне нравилась – ведь только что было засорено, и вдруг – чисто! Конечно же, основная моя работа как подростка была в выпасе коровы. Причем, не только на пастбище, но и когда коровы приходили днём домой. Я со своей Поземкой выпасывал всякие межи, закоулки, придорожные участки. А она была такая хитрая, стремилась, если я зазеваюсь, схватить то, что ей нельзя. Из-за этого у меня с ней были конфликты. Они заканчивались обычно в пользу Поземки. Для Поземки приходилось ещё днём, когда она в хлеву отдыхала, идти на картофельное поле с кошёлкой и собирать для неё траву, потом её промывать и давать как дополнительный корм. Мне на пастбище, я уже об этом писал, пришлось не только считать и запоминать прошедшие железно-дорожные составы, но и плести кошёлки (кошки) для дома. Я эту работу любил, её хорошо выполнял, за время пастбы я мог в течение двух дней изготовить даже большую кошёлку.

Остановлюсь ещё на одной работе, которая хотя и не считалась строго обязательной, но я её охотно делал по своей инициативе. Речь идёт о заготовке веников для бани и метёлок для кухни. На другой стороне от железной дороги была такая рощица, называлась Копатьково. В ней росло много берёзок, которые выросли и требовали подрезки. Вот здесь и пригодилось умение подрезать деревья. Я берёзки подрезал, чтобы они росли стройно, а не кустом. Лучшие ветки от обрезки я собирал и из них вязал веники для бани, а также и метёлки для подметания полов. Получается двойная польза. Эти берёзки живут и сейчас, превратившись в большие, стройные деревья. Кроме кошёлок и веников, я ещё заготавливал из низкосортных сосёнок, тоже путём подрезки, так же удобные метёлки, согнутые под прямым углом. Они хорошо служат для подметания золы по подам русских печей. Очень удобный инструмент для домашней хозяйки. Маме они нравились.

1.9. Жизнь при немецкой оккупации (июль 1941-июль 1944 гг.)

В начале октября 1941 года на дорогах появились первые немецкие части. Ехали в основном на легковых машинах, мотоциклах и грузовиках, беспрепятственно. Тут же население бросилось, как и в сентябре 1939 года, на станционные склады (немцы даже не успели организовать их охрану) и всё ценное, что там находилось, было разобрано. Хотя в этом была польза – товары не достались немцам. Брату Ивану достался большой картонный ящик концентрата пшённой каши, что очень помогло нам выжить. Мама употребляла этот концентрат для приготовления супов или каш, а с молоком это было как раз то, что надо. Его хватило на всю семью больше, чем на полгода.

В нашей местности никаких боёв ни в 1939, ни в 1941 годах не было, так же и никакой стрельбы. Изредка пролетали самолёты как советские, так и немецкие. Один раз мне пришлось наблюдать воздушный бой нашего самолёта с немецким на большой высоте. К сожалению, наш самолёт, вроде бомбардировщик, был подбит немецким, небольшим самолётом, в воздухе загорелся и ушёл к земле. Но с такой высоты он к земле ушёл далеко и мы не могли сказать, где конкретно и как он приземлился.

Отставших от своих частей русских солдат немцы продвигавшихся на восток беспрепятственно пропускали дальше, но перед городом Молодечно, примерно 30 км от нашей деревни, немцы создали огромный лагерь военнопленных, куда эти несчастные люди и попадали. Они ведь не знали про эту хитрую ловушку. Там возник кромешный ад. Мы, дети, недалеко от этого места пасли коров и видели этих несчастных людей за колючей проволокой, с жёстким контролем. Но иногда нам удавалось перебросить через ограду кусочек хлеба, картофелину, свеклу, морковку, но это была капля в море. А тем, кто остался и не двигался «на восток» немцы не возвращали у кого-либо из жителей деревни остаться для помощи по хозяйству. И таким образом сохранить себя. Появился такой «помощник» и у нашей семьи. Это был молодой шофёр из подбитого грузовика, звали его Караулов Анатолий Фёдорович. В Крыму, ст. Первомайская, осталась его мать Ксения Петровна. Таких, как наш Толя, в деревне оказалось вроде 10 человек, но я всех их не знал. Толя впоследствии попал в партизаны и служил в нашей армии. Был ещё Барышников Володя. Этот Володя уже после войны даже приезжал в нашу деревню, благодарил хозяина, что он его приютил в трудное время, встречался с местными его знакомыми, девушками. Был он равнодушен к моей сестре Оле, но мама была почему-то против их отношений.

Вступившие в нашу и в соседние деревни немцы вначале вели себя корректно, никаких арестов, насилия, пожаров не было. Не было и грабежей. При задержке продвижения по железной дороге солдаты разбегались по ближним деревням, были не прочь поживиться маслом, яйцами, салом и др., но только с согласия («добровольного») жителей, и не путём грабежей. Один раз как-то офицер – кавалерист у мамы «попросил» через разговорник: «Хозяйка, мне надо одна курица», но увидев бедность – отстал.

А вот в нашей округе жили три еврейские семьи, то их сразу же куда-то увезли. Одну девушку из этой семьи, её звали Роза, жителям удалось спасти – во время облавы её не было дома, а впоследствии никто её не выдал, люди её укрывали и она была спасена. А ведь за укрытие еврея или за связь с партизанами был установлен расстрел на месте!

При немецкой оккупации, не знаю как в других, но в нашей зоне, были сохранены школы, работали прежние (до оккупации) преподаватели, сохранились советские учебники, некоторые один на весь класс, а по некоторым предметам и ни одного, их же никто не выпускал, но было и другое – был добавлен немецкий язык (особенно разговорный) и была почти до основания искажена белорусская грамматика, что сильно отразилось на обучении детей. Я единственный

из своей деревни, окончив начальную школу в соседней деревне (при оккупации 2 и 3 классы) и за 7 км Забрескую 7-летнюю неполно-среднюю школу (4 и 5 классы при оккупации, а 6 и 7 – уже после освобождения в 1944 году), то есть 3 года ходил в любую погоду, зимой и летом за 7 км в 5- 7 классы. Правда, в 6 классе мы не доучились, немцы в нашей любимой школе сначала держали конюшню, а затем она и вовсе сгорела. Пришлось доучиваться в частном доме.

После освобождения нам (мне, Карповичу Юре, Харитону Толе, Борода Володе, Радкевичам Мише и Пете, Конопелько Вале, Сымановичу Толе, Баслык Ире, Жамойдин Жене, Тукайло Нине, Шустичкой Ане) обучение при оккупации было зачтено и я в 13 лет уже имел документы о 7-летнем неполно-среднем образовании и мог уже поступать в техникум, что я и сделал, но об этом будет сказано в другой главе. А сейчас продолжу о жизни при оккупации.

Первый год жизни населения деревни ничем почти не отличался от польского владычества: платили земельный налог, страховку, участвовали в общественных работах (в основном ремонт местных дорог, железнодорожных путей), привлекались на бесплатную добычу песка и его погрузку на платформы, на лесозаготовки. Для молодёжи рекламировалась поездка на работу в Германию, но откликнулась на сладкие обещания только одна девушка из соседней деревни, правда, после войны она благополучно вернулась домой. Потом немцы обложили население не только трудовой повинностью, но и натуральной: сдавать нормы (правда, не очень обременительные) по мясу, молоку, маслу, овечьей шерсти, яйцам и др.) Зато население имело возможность пользоваться пастбищами, сенокосными участками, лесными угодьями, ловлей рыбы в реке Западная Березина. Осевший в бывшем имении пана Волчацкого какой-то немецкий ставленник-голландец довольно сносно относился к местным жителям. Правда, один раз от немца мне досталось за недосмотр моей вредной Поземки, а за ней и другими коровами, залезшими в какие-то посевы. Немец их согнал в конюшню и грозил сдать на мясо. Мы были в панике, слёзно просили отпустить и когда я получил разрешение забрать свою корову, немец на выходе из конюшни меня стегнул плёткой (правда, через одежду и было не больно). Другие немцы к нам, детям, относились лояльно. Изредка угощали сахаринном, эрзац-печеньем и шоколадом. Один солдат возил на грузовике из леса брёвна через местечко Забрэзье, где была наша школа, мы его ожидали после занятий и он нас подвозил на этих брёвнах 5 км до станции Воложин. Это нам было очень хорошо – ведь из 7 км путь пешком сокращался до 2. Он не следил за безопасностью и нашей посадкой – кто как успевал, так и ехал. У немцев было принято на грузовиках ездить на подножках кабины, и если эти места были свободны, мы их с удовольствием занимали.

Были в Белоруссии и националисты. Это с их подачи корёжился белорусский язык, его фонетика и морфология. А это сказывалось на ломке устной и письменной речи. Так, сдвоенные согласные с последующей мягкой гласной должны были разделяться мягким знаком (насенъне, паленъне, карэнъне и т.д.). Были и другие «нововведения», которые очень усложняли обучение. Была новая грамматика белорусского языка. Был новый белорусский гимн (он так врезался в память, что и по сей день его помню), был герб в виде скачущей белой лошади со всадником, щитом и мечом, флаг был бело-красно-белый, приветствия звучали словами «живе Беларусь!» (ответ – «живе!»), обращение: к мужчинам – «спадар», к женщинам – «спадарыня». Издавалась на родном языке белорусская газета (она так и называлась), на русском языке —газета «За Родину», иллюстрированный журнал «Новы шлях» («Новый путь»), песни, стихи и т. д.

В конце 1942 года и в 1943 году отношение немцев к местному населению и само их поведение резко изменились. Активизировалось партизанское движение, участились диверсии на дорогах, нападения партизан на немецкие гарнизоны, комендатуры, учреждения.

От каждой деревни немцы требовали обязательно избирать старосту, отвечающего за порядок в деревне, выполнять задания по налогам, натуральному обложению продуктами,

выполнению трудовых повинностей и др. Но все жители деревни чувствовали без всякой агитации, что немецкая оккупация является временной, давали понять об этом и партизаны. Таким образом, ни один из жителей не соглашался быть старостой, под любым предлогом уклонялись, прятались. Тогда немцы принудительно, под смертельной угрозой их назначали. В нашей деревне мужчины при такой смертельной угрозе решили назначать старостой каждого по очереди и только на определённый срок. Об этом знали и партизаны, требовали всячески не выполнять эти немецкие задания. Поэтому, после освобождения территории от немецкой оккупации, советские органы заслушали объяснения бывших на короткое время «старост», никаких претензий им не предъявили, поскольку и никакого вреда населению они не причинили.

В этот период в нашей местности широко развилась «рельсовая война», когда минировался и наш участок железной дороги Лида – Молодечно-Орша. Взрывы на мостах и на железной дороге выводили из строя живую силу и технику противника. Для предотвращения этих потерь и блокирования железной дороги немцы предпринимали отчаянные усилия: очищали вдоль ж. д. полосы на 50, 100 метров, усиливали патрулирование, охрану, перед паровозами гнали 2 – 3 платформы с песком, но ничего не помогало, взрывы и диверсии продолжались. Эпогеем был взрыв в резиденции самого генерального гауляйтера Белоруссии, личного друга Гитлера – Вильгельма Кубэ. Говорили, что после этого взрыва весь немецкий взвод охраны Кубэ и некоторые из obsługi были немедленно расстреляны. Этот взрыв был организован партизанами через горничную самого Кубэ — Елену Мазаник, которая подложила в постель гауляйтера специальную бомбу с часовым механизмом, а сама благополучно скрылась в партизанском отряде, впоследствии получила Золотую Звезду Героя Советского Союза.

После этого события немцы просто озверели, стали делать облавы, засады, аресты, всячески стремились ослабить партизанское движение, помощь ему со стороны населения. А ночью партизаны все их усилия сводили на-нет. В республике, таким образом, создалось «двоевластие» – днём власть немецкая, а ночью – партизанская (Советская).

В 1943 году немцы, имея крупные поражения на восточном фронте, творили на территории Западной Белоруссии чудовищные преступления перед мирным населением: даже сжигали целые деревни вместе с людьми всех возрастов. Кто бывал на мемориальном комплексе «Хатынь», то хорошо знает, что это кладбище деревень. Их там насчитывается около 200, сожжённых вместе с жителями. В округе, где я родился, тоже было 3 такие деревни: Кражино (вблизи г. Воложин), Слобода (недалеко от моей деревни) и ещё одна (к сожалению, названия не помню). Такой массовый террор не всегда применялся к деревням, в какой-либо мере действительно связанными с партизанами. Скорее это было для украшения своих отчётов о борьбе с партизанами, тем самым страдали совершенно невинные люди — старики, женщины и дети. Комплекс «Хатынь» состоит из могил, в которых находится земля от каждой сожжённой деревни, а сверху – мемориальная доска с её названием, датой гибели и количеством погибших. Отдельно выделен квадратный участок для 4-х берёзок, но растут только 3, а четвёртое место пустует, оно символизирует, что в войну в Белоруссии погиб каждый четвёртый житель. Завершается комплекс скульптурой старика, держащего перед собой мёртвого мальчика — подростка. Я уверен, что никто побывав там, не уходил равнодушным. Вполне заслуженно трое авторов этого комплекса были удостоены Ленинской премии.

Глава 2. Моя жизнь и образование на разных уровнях

*«Есть только миг
между прошлым и будущим,
именно он называется жизнь»
Из песни.*

2.1. Начальное и неполно-среднее образование

Моя долгая 87-летняя жизнь в начальной своей стадии прошла в труднейший для западных областей Белоруссии (Брестской, Гродненской и частично Минской) исторический период: сначала почти 19-летнее (до 17 сентября 1939 года) владычество Польши, получившей эти территории по Брестскому миру (1920 г.), затем кратковременная (до июня 1941 г., т.е. менее, чем на 2 года) советская власть, после её – немецкая оккупация (до июля 1944 г.) и только после освобождения Белоруссии от немецкой оккупации произошло историческое объединение этих западных областей с восточными областями (Витебской, Могилёвской и Гомельской) в единую Белорусскую советскую республику. И только тогда народ свободно вздохнул от этих частых перемен.

Весь указанный период был самым значимым в моей жизни. Я его помню и, наверное, не забуду до конца своих дней.

Молодое поколение послевоенной поры, а тем более сегодняшнее, имеют слабое представление о том трудном времени, которое пережил белорусский народ, особенно западных его областей. Для многих теперь это уже история, которая сейчас ни в каких учебниках не фигурирует и не изучается. Даже мои дети, а тем более внуки, практически ничего об этом не знают и не случайно просят порой меня рассказать хоть что-нибудь о том времени и людях, тогда живущих в моём окружении, и, конечно же, о себе и моём жизненном пути. Из этих соображений я и решил сейчас, имея больше свободного времени, написать только чисто по памяти данные заметки, не претендующие на их широкое оглашение, но имеющие, на мой взгляд, хоть некоторый интерес для моих детей, внуков, близких родственников и людей, меня знающих или помнящих.

Конечно, изложенные заметки не сравнимы и ни в чём не подменяют такие выдающиеся произведения белорусских писателей и поэтов, описывающих жизнь и быт белорусского населения того времени, как «Новая зямля» и «Сымон — музыка» Я. Колоса, «Курган» и «Павлинка» Я. Купалы, «Люди на болоте» И. Мележа и целый ряд других романов и поэм. Но нигде я не встречал ответа на вопрос, как крестьяне, живущие натуральным хозяйством, сами себя обеспечивающие, добывали себе одежду, обувь, орудия труда (плуги, бороны, пилы, топоры, косы, серпы, конскую упряжь), откуда брались телеги, сани, топливо, кухонная утварь и т. д. Ведь всё это практически нигде не продавалось, да и купить крестьянин был не в состоянии, ему просто не было возможности где-то заработать пусть даже небольшие деньги. Да и денег, особенно в годы оккупации, никаких не было. Оккупационные немецкие марки за деньги просто никто и не считал. При поляках лучшую молодую корову можно было купить (и если повезёт) за 100 злотых. Но чтобы их заработать, требовалось затратить большой труд. Например, жнея за весь длинный летний день жатвы могла заработать не более 1,5 злотых, мужчина на косьбе за день не более 2 злотых. Основная валюта была – это соль, мыло, сахарин, керосин, продукты, даже спички. Цен никто не устанавливал, их просто не было. Всё определялось по договорённости. Чтобы уйти от нищеты, многие бросали всё и уезжали кто — куда. При поляках – это преимущественно в Южную Америку (Аргентина, Уругвай, Бразилия,

если поближе, то в Латвию). Через некоторое время кое-кто из Латвии возвращались, везли с собой или швейную машинку Зингер (ручную, а ещё лучше – ножную, которые могли делать только прямые строчки), или велосипед. Такие товары в деревне считались верхом богатства, ни один житель моей деревни их не имел. Легковой автомобиль (помню даже цвет — синий) я впервые увидел в 12 лет, немецкий, вёз какого-то офицера.

Как было уже упомянуто, все крестьянские семьи, за очень редким исключением, сами себя обеспечивали всем необходимым, практически ничего не покупали, поскольку не было, да и ничто не продавалось и не покупалось. Велось натуральное хозяйство, когда всё необходимое делалось своими силами, ничто не пропадало, никто не знал даже, что такое отходы, полученные при работе с материалами, изделиями, продуктами и от естественных надобностей. Например, солома от зерновых культур пригодилась для крыш сараев, погребов, даже где-то и домов; отходы от льна – это костра как очень хороший утеплитель, а пакля – для конопатки. Зерновые отходы (мякина, получаемая при молотье и веянии зерна), от муки при её просеивании – всё идет на корм животным; от кабана ценными отходами является его шкура (идёт на выделку) и шерсть для производства щёток; от домашней птицы в дело идёт перо (его очищают вручную от жёстких стебельков) применяется для изготовления перин, подушек; отходы от коров и телят – это кожи (идут в основном на выделку для изготовления кожаных изделий); все прочие отходы, включая и пищевые – идут или на корм скоту, или в удобрения для полей и огородов. Для использования отходов, например, кожаных, необходимо иметь и соответствующее умение по выделке кожи, обладать умением делать из кожи хотя-бы лошадиную сбрую (хомуты, уздечки, вожжи и др.), для чего требуются кожевники, шорники, сапожники. Как они готовились – об этом был разговор выше. Отсутствие всяческих отходов в крестьянском (натуральном) хозяйстве – важнейшая его особенность. Даже такого понятия «отходы» не было. К сожалению, сегодня при механизированном промышленном производстве такого малоотходного и безотходного производства практически не наблюдается. Ценнейшие промышленные, пищевые и бытовые отходы, мебель, ценная электроника, даже изделия, содержащие драгоценные металлы, сплавы, экологически опасные и вредные, сжигаются в котельных и в так называемых мусороперерабатывающих, (а фактически тоже сжигаемых) предприятиях. Пригороды и даже многие города, особенно городские пустыри, перегружены этими отходами и никто не знает, как от них избавиться. Можно даже сказать, что некоторые города и даже территории вступили в экологический кризис. Я хорошо знаю очень уважаемого мною академика Яблокова, который, будучи ещё кандидатом наук, посвятил можно сказать всю свою научную деятельность изучению проблемы вредного экологического воздействия на население современного промышленного производства, рождающего проблему отходов, их использования и губительного влияния на экологическую обстановку. От себя могу сказать, что сегодня свалки завалены не просто отходами, а даже хорошей бытовой техникой, аппаратами, приборами, попавшими на свалку только потому, что они изготовлены, можно сказать, специально так, что не подлежали никакому ремонту. Каждый из нас это может подтвердить простыми примерами. Возьмите даже обычный чайник. Их приходится очень часто менять, и только потому, что их места включения находятся недоступно для пользователя. Или всем известные разных моделей газонокосилки. Их тоже часто приходится менять только из-за того, что их пустяковая по стоимости кнопка включения находится недоступно для исправления контакта или замены. В таких случаях приходится менять весь прибор. Это выгодно производителям и торговле – больше продаж и выручки. А потребителю? У производителей даже исчезло понятие «ремонтпригодность», ранее считавшееся важнейшим. Отремонтировать любую вещь стало иной раз дороже, чем приобрести новую. Поэтому и исчезли ремонтные мастерские. Порой из-за простой штепсельной вилки надо выбрасывать всё изделие и всё потому, что вилка намертво связана со шнуром, а шнур входит в изделие в недоступном месте, приходится выбрасывать и само изделие. А если оно входит, как неотъемлемая часть аппарата,

то и весь дорогостоящий аппарат! К этому можно ещё добавить, что наиболее часто выходящие из строя узлы и детали располагаются, как правило, в наиболее недоступных местах, затрудняющих их ремонт или замену. Таких примеров можно привести тысячи. Любой из нас это может подтвердить, поскольку часто с такими случаями сталкивается. А возьмите тару, упаковку, всякие пакеты – это-же горы будущих отходов! А ведь они стоят немалых денег, всякая упаковка вошла в цену товара и мы за неё уплатили.

Возьмите два главных продукта для населения – хлеб и молоко. Веками хлеб (ржаной и пшеничный) производился из натуральной, подготовленной муки без всяких добавок, строго сложившимся в данном регионе способом (как сейчас говорят «технологией»), а при введении госстандартов – при строжайшем их соблюдении (даже в армии и при карточной системе никто не посмел что-либо мудрить с хлебом, его составом, сортностью, ценой и др.). Хлеб доставлялся потребителю на специальных деревянных контейнерах и без всякой наружной, дорогостоящей упаковки. А что происходит сейчас, в основном под давлением производителей и торговли? Десятки разных сортов хлеба и все – с повышенной ценой. Некоторые сорта уже и хлебом назвать нельзя. Каждая хлебная единица, даже мелкая булочка, имеет дорогостоящую и в результате – ненужную упаковку, тут же выбрасываемую в мусор, отходы. Ведь населению эти излишества не нужны, за них потребитель платит, и немало, поскольку всё входит а цену. Это выгодно только производителю и торговле.

Тоже самое происходит и с молоком. Раньше молоко поставлялось населению специальными молоковозами, реализовывалось в тару самого потребителя. Требовалось лишь обеспечивать чистоту перевозимых емкостей и самого молока. Сейчас же молоко реализуется десятками сортов, в закрытой таре, не поддающейся никакой проверке потребителем, разной жирности, ёмкости, тары, упаковки, разными сроками годности и т. д. Все они обильно содержат всякие «Е». Никто не доказал, какую реальную пользу эти добавки приносят населению. Скорее вред и удорожание. Рядовой покупатель такого разнообразия не требует, из товарного молока он сам решает как его использовать. Он против всякого здесь «усовершенствования», всяких «Е».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.